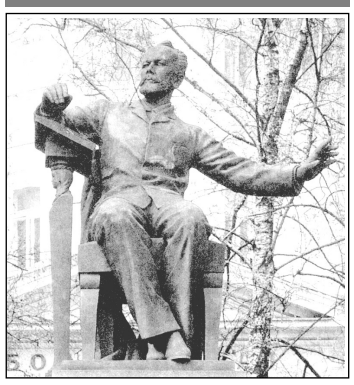
Российский музыкант

№ 5 (1227)
сентябрь
2004
Выходит
с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО

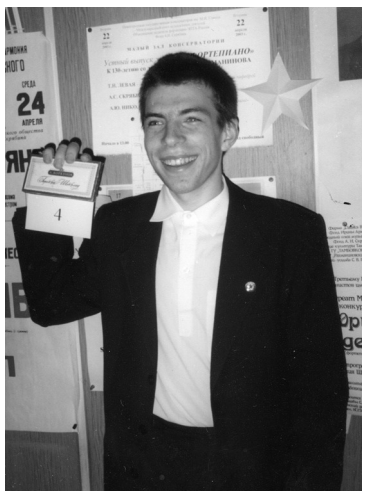


БОЛЬШОЕ АРТИСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

С 20 по 30 июня 2004 года в стенах Московской консерватории состоялся Третий международный конкурс пианистов имени Скрябина. Конкурс закончился триумфом воспитанников Московской консерватории (четыре премии из шести).

На этом конкурсе было замечательное жюри. При его составлении у нас еще с первого конкурса действует правило, что Россию представляют только 2 члена жюри, остальные — иностранцы. Удалось пригласить таких известных музыкантов как лауреат конкурса Чайковского *Паскаль Девуайон*, *Андреа Бонатта* — знаменитого итальянского пианиста, прекрасно записавшего на компакт диски все произведения Брамса, норвежца *Эйнара Стин-Нокльберга*, год назад превосходно исполнявшего в Малом зале консерватории произведения Грига. Я особенно благодарен *Дмитрию Башкирову*, принявшему приглашение участвовать в жюри после всех оскорблений, нанесенных ему во время последнего конкурса Чайковского. Из США приехал проф. *Виталий Маргулис*, преподающий ныне в Калифорнийском Университете в Лос-Анжелесе (я восхищаюсь его записью 3-ей сонаты и поэм Скрябина). В жюри также работал проф. *Балаш Соколаи*, молодой венгерский пианист, обладатель 14 международных премий на многочисленных конкурсах. Германию представлял проф. *Арнульф фон Арним* из Эссена — потомок знаменитой немецкой фамилии. Из Франции приехал *Мариан Рыбицкий* — профессор Эколь Нормаль в Париже, много делающий для ознакомления Парижской аудитории с искусством молодых русских пианистов. Его циклы концертов молодежи в зале Корто очень знамениты во Франции. И после конкурса он пригласил лауреатов первой и второй премий выступить в зале Корто этой осенью. Жюри работало в творческой и доброжелательной атмосфере — наше давнее правило, что члены жюри не имеют права иметь среди участников конкурса своих учеников сыграло свою положительную роль.

Блестящую победу на конкурсе одержал студент 3-его курса Московской консерватории *Андрей Коробейников* (класс доц. А.Б.Диева), которому на



момент окончания конкурса было еще 17 лет. Уже с первого тура он заинтересовал жюри неординарным исполнением Этюда ор.65 №1 и Четвертой сонаты Скрябина. Особенно ярким было его выступление на 2-ом туре. Запомнился редко звучащий цикл Ан.Александрова «Душа моя — элизиум теней», вдохновенно прозвучали Сонеты Петрарки Листа, много интересного, хотя и спорного было в Девятой сонате Скрябина — музыкант не забыл названия «Черная месса», данного этой сонате Л.Сабанеевым. Но кульминацией тура явился цикл 8 этюдов ор.42. Андрей сыграл их как сюиту — взволнованно, страстно и изысканно. В 3-ем туре менее удачной показалась соната си бемоль минор Шопена, но очень понравилась поэма «К пламени», в которой пианист создает неуклонное напряжение от очень медленного начала до сверкающего финала. Концерт Скрябина был ярче на заключительном концерте лауреатов конкурса. Андрей Коробейников еще очень молод, но у него есть та Скрябинская «жилка», которая всегда отличала великих скрябинистов — Софроницкого, Фейнберга, Нейгауза...

Вторую премию получил талантливый 18-летний студент 1-го курса Московской консерватории из Казахстана — *Станислав Хегай* (класс проф. Л.Н Наумова.) О его игре можно сказать только очень хорошие слова: великолепный пианизм, прекрасное звучание фортепиано. Его Мефисто-вальс Листа был блестящим, хотя и очень быстрым. Менее удалась соната соль минор Шумана, лишенная шумановского мятежного духа из-за быстрого темпа. Зато Скрябин был ярким и молодым. Может быть поэтому, ему больше удался Концерт (раннее сочинение Скрябина), чем Пятая и Девятая сонаты. Я уверен, что у Хегая большое будущее и успех на конкурсе — первая ступень к нему.

Очень музыкально и естественно играла обладательница 3-ей премии, *Галина Чистякова* — 17-летняя ученица ЦМШ (класс доц. А.Я.Рябова). Ее «Дон Жуан» Листа был ослепительным. И в то же время лиричными и поэтичными были Баркарола Шопена и Вторая соната Скрябина. Приятно было услышать мазурки Скрябина ор.3, а также редко играемые ноктюрны ор.5 и экспромт ор.12.

Хочется отметить японскую пианистку *Юми Сато* (5-ая премия) — единственную иностранку, попавшую в финал. У нее много хорошего было и в сонате соль минор Метнера, и в Мефисто-вальсе Листа, и в прелюдиях Скрябина ор.11, но неудачным оказался выбор «Карнавала» Шумана в 3-ем туре. 4-ую премию получил студент Московской консерватории *Александр Куликов* (класс проф. А.А.Наседкина). В его исполнении мне особенно понравилась Фантазия ор.28 Скрябина и соната-элегия Метнера. Выпускница Московской консерватории *Мария Дубровкина* (класс проф. Ю.С.Слесарева), получившая 6-ю премию, очень гармоничный и лиричный музыкант, в том же июне на окончании консерватории играла другую большую программу и, по всей видимости, перенапряжение сил не позволило ей быть свободной во всей программе. Из участников, не прошедших в финал, я хотел бы отметить американского пианиста *Метью Бенгтсона*, хорошего музыканта, кстати играющего все сонаты Скрябина, но не очень развитого технически. Его погубили этюды.

Три первых премии играли с Московским Симфоническим оркестром под талантливым руководством Владимира Зивы.

В концерте открытия конкурса традиционно выступили лауреаты прошлых конкурсов: Е.Михайлов и П.Лаул. Однако новшеством явились концерты членов жюри во время конкурса. Сольные концерты А.Бонатта и П.Девуайона были особенным праздником. В программе А.Бонатта, кроме «Крейслериаиы», были «изюминки» — Романс Клары Шуман и Вариации на тему Шопена Роберта Шумана, а также очень тонко и поэтично сыгранные 2 ноктюрна Скрябина и «Благословение Бога в одиночестве» Листа. П.Девуайон изысканно исполнил Первую тетрадь прелюдий Дебюсси и ор.52 Скрябина, а во втором отделении поразил аудиторию мощью Третьей сонаты Брамса. Учитывая, что оба концерта были сыграны на благотворительных началах, можно только восхищаться щедростью этих больших художников.

Постоянным директором и организатором конкурса является А.С.Скрябин, много сделавший для того, чтобы конкурс состоялся на таком хорошем организаторском уровне. Первую спонсорскую помощь удалось получить от золото-добывающей компании «Полюс», предоставившей немалый призовой фонд конкурса (19500 долларов США). Огромную роль в организации конкурса сыграла Московская консерватория. Помимо бесплатных залов, классов для репетиций, транспорта и общежития для иностранных и иногородних участников, была и огромная работа руководства консерватории в лице и.о. ректора проф В.В.Суханова, проректоров проф. Е.Г.Сорокиной, С.Г.Мураталиевой, А.В.Зуева, главного бухгалтера Н.В.Бушневой. И, конечно, самую важную роль в организации конкурса сыграл министр культуры и массовых коммуникаций, председатель оргкомитета конкурса проф. А.С.Соколов. Помимо творческой помощи, по его указанию министерство культуры менее чем за 2 месяца до начала, наконец-то, начало финансировать конкурс.

К сожалению, конкурс имени Скрябина пока не достаточно популярен и на Западе, и у нас в стране. Из 37 участников, отобранных на предварительном прослушивании видео-кассет, было всего 13 иностранцев, а приехало только 8. Необходимо выпускать рекламную брошюру за 3 года до начала конкурса, нужен постоянный собственный веб-сайт конкурса в интернете, нужно срочно вступить в международную организацию конкурсов в Женеве, имеющие большие возможности для рекламы.

...Прошло почти 3 месяца после окончания конкурса. И вчера, 13 сентября, я получил истинное удовольствие, побывав в Малом зале консерватории на концерте лауреатов Скрябинского конкурса — Г.Чистяковой и А.Коробейникова. Оба они в битком набитом Малом зале на вечере, организованным фондом Е.Светланова, играли обновленную программу. И я вновь порадовался, что мы на прошедшем конкурсе имени Скрябина открыли незаурядные таланты, у которых большое артистическое будущее!

Проф. М.С.Воскресенский,
председатель жюри конкурса.

На снимке (справа налево): Б.Соколаи, П.Девуайон, А. фон Арним, М.Воскресенский, М.Рыбицкий, Д.Башкиров, В.Маргулис, А.Бонатта, Э.Стин-Нокльберг, А.Скрябин.

КОНСЕРВАТОРСКАЯ ЖИЗНЬ

НАСЫЩЕННОСТЬ ЖИЗНИ ВСЕЛЯЕТ ОПТИМИЗМ

С. Г. МУРАТАЛИЕВА, Проректор по учебной работе, кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ

Суфия Гафутдиновна! Вы, став проректором по учебной работе, в течение года «свежим взглядом» смотрите на Московскую консерваторию. Год достаточно сложный, а когда сложно, многие вещи становятся виднее. Кроме того, летом прошел прием, Вы возглавляли его, а те, кто приняты сейчас, во многом будут определять жизнь консерватории в ближайшие пять лет. Наконец, сегодня, по долгу службы временно исполняя обязанности ректора, Вам становится виднее вся жизнь консерватории «от и до». И мне хотелось бы, чтобы, благодаря нашей беседе, консерватория имела возможность взглянуть на себя и осмыслить какие-то процессы, которые в ней происходят и на которых, по Вашему мнению, следует сфокусировать внимание. Что Вас волнует прежде всего?

Прежде всего, не могу не сказать о том, как я счастлива, что работаю в Московской консерватории, что вернулась сюда спустя многие годы. И я очень благодарна Александру Сергеевичу Соколову, который меня пригласил. К сожалению, мне не удалось даже год с ним проработать — состоялось его назначение на пост Министра культуры и массовых коммуникаций. А год был тяжелый, входить было не просто. Но все равно, счастье работы в консерватории, оно никуда не ушло. Каждый день прихожу сюда с этим чувством.

Другое дело, что объем работы безбрежен. Хотя Московская консерватория — одно из первейших учебных заведений в мире, многое уже отстает от того, что необходимо для учебного процесса. Мы сейчас живем в XXI веке, и он диктует свои требования. Например, приходят бывшие наши выпускники, которые уже работают за рубежом, и говорят: «Мне надо, чтобы были расписаны не только объемы часов на каждую дисциплину, но и чтобы было все прописано — что стоит за этими часами». А весь этот блок, касающийся программной документации, находится в очень и очень плачевном состоянии.

То есть, педагоги сами не разрабатывают свои программы?

Вы знаете, у нас каждый педагог — это личность. Он сам строит свой курс по отношению к каждой группе по-разному. Но у него все в голове или «в столе». В этом году начала читать курс истории зарубежной музыки для хоровиков, так узнать, что делали предшественники, взять какой-то материал — нет возможности. Каждый педагог на одной и той же кафедре ведет все по-своему. Один закачивает первый семестр венскими классиками, другой — Бахом, а третий и Баха, и Генделя успевает. Уже не говоря о том, что показывается, в каком объеме, и что требуется... Я не против индивидуальности педагога, но все же единые сформулированные требования должны быть. А их нет! Эмма Борисовна Рассина с первого дня моего появления в консерватории говорит о том, что в библиотеке нет элементарных учебных пособий для студентов. И все заканчивается, так же как и в прежние времена, лекциями и старыми учебниками. Знаю, что учебные заведения, у которых педагогический потенциал гораздо ниже нашего, имеют все это. Качество их материала я не оцениваю.

Оно, видимо, соответствует тому самому педагогическому потенциалу...

Наверное. Они сами для себя что-то компилируют, затем получают «грифы», которые присваиваются Министерством образования или Учебно-методическим объединением по музыкальному образованию...

И это становится материалом, рекомендуемым повсеместно для учебного процесса?

Да! По закону учебное заведение проходит лицензирование, аттестацию, аккредитацию. Проверяющие смотрят состояние библиотеки, наличие «грифованных», как говорят, учебных пособий и других материалов. А у нас же, головного вуза, почти ничего этого нет! Притом, что наши специалисты пишут учебники, по которым занимаются очень и очень многие, издают монографии. Правда, сейчас готовятся к изданию учебники (за счет средств Федеральной целевой программы «Культура России»), которые получили гриф Министерства образования (по теории современной композиции, по истории зарубежной музыки XX века). Преподаватели приходят, показывают даже изданные работы... Но все должно иметь соответствующие рекомендации!

То есть, все должно пройти какую-то экспертизу и быть рекомендовано к публикации, а пока это не произошло, работа остается частным делом автора?

Конечно! Вот весь этот блок работы у нас — целина не паханная! Но я не могу сказать всем: «Давайте, напишите и через неделю мне сдайте ваши программы», потому что встает вопрос — что мы дальше с ними будем делать? Встает вопрос не только экспертизы, но и издания. А это просто необходимо!

У нас же есть издательство. Мы же одни из первых музыкальных вузов создали свое издательство.

Во многих вузах есть издательства крупнее. У нас же есть только редакционно-издательский отдел, усилия которого большей частью направлены на издание научных сборников.

Я, откровенно говоря, тоже не понимаю, почему созданное в консерватории редакционно-издательское подразделение не ориентировано, прежде всего, на учебный процесс.

Издавать сборники нужно, но не только их. Существует и другая проблема. Сейчас, например, мы издали образцы экзаменационных заданий на вступительных экзаменах в Московскую консерваторию. Доцент кафедры теории Е.А.Николаева их собрала, отредактировала, мы затратили небольшие деньги и издали. Но продавать у себя нигде не можем. Значит, мы отдаем это в магазин, магазин ставит свою цену, какую хочет.

Нам что, нужен свой магазинчик?

Может быть, киоск. Или договор с кем-то, кто возьмется за распространение изданий консерватории.

Я недавно заходила в Университет на факультет журналистики, у них у входа есть свой прилавок с огромным количеством разной литературы по журналистике...

Сейчас появилось море образовательной литературы! Все вышло на новый издательский уровень. Новые виды пособий, хрестоматии, рабочие тетради и т.д. Огромное количество всего. Причем по музыке это делают вузы, которые не имеют потенциала наших педагогов. У нас, по сути, что ни педагог (я имею в виду теоретиков), то крупнейшая ученая фигура. Их труды, с новым взглядом на проблемы теории, истории музыки, тоже могут служить учебными пособиями.

Кто-то, видимо, должен это организовать?

Нам нужен сильный методический кабинет. Помимо научной работы, огромной научной работы, которая ведется, должна планироваться и научно-методическая деятельность. Издательское дело тоже должно быть поставлено на службу учебному процессу.

А Canon? Они же вроде бы обещали поставить нам какую-то множительную технику?

К любой множительной технике нужно приставлять руки и голову человека. Наверняка учебные программы мы могли печатать и на Canon'е. Но опять-таки нужен человек, который будет вести редакторскую работу.

А что еще Вас волнует?

Еще волнуют студенты. Наши студенты отличаются от студентов любого другого вуза, потому что к нам приходят, в сущности, профессионалы. Некоторые уже работают где-то. Жизнь тяжелая, понятно. Но иногда учеба превращается в дело совершенно факультативное. Получается, что преподаватель обязан им что-то поставить, но они совершенно не обязаны учиться. У нас в Уставе декларируется свободное посещение. Но тогда должна быть выработана строгая система отчетности. Если студент не ходит на занятия, то он должен осваивать материл, который проходится на лекции, самостоятельно. Но, опять-таки, не имея программы, мы не можем предъявить и требований. Педагог должен выработать систему такой отчетности.

Наподобие заочного обучения, где существуют специальные механизмы отчетности?

У нас заочное обучение не возможно, но бывают ситуации, когда, допустим, студент едет на конкурс (я не беру случаи элементарных пропусков). Кстати, как раз те, которые едут на конкурс, подчас более исполнительные, более аккуратные, они приезжают и восстанавливают все, хотя это очень сложно. Но есть и другое. На днях декан оркестрового факультета Владимир Михайлович Иванов жаловался, что идет поток заявлений от струнников-первокурсников об освобождении от занятий оркестром. А это же обязательная дисциплина специальности! У нас в дипломе стоит квалификация «артист оркестра», причем струнники в своей жизни потом в основном и занимаются тем, что работают в оркестре. Но, обучаясь в консерватории, все считают себя только солистами. И больше никем.

Будущему солисту в молодости пять лет поиграть в оркестре тоже невредно. Будет иначе чувствовать ансамбль и понимать, что у него за спиной.

Бывает и другая ситуация, когда мне говорят: «А я уже играю в таком-то оркестре». Но задачи учебного оркестра и профессионального оркестра все-таки разные. В профессиональном оркестре никто ничему учить не будет, ты должен сесть и играть. Другое дело, что уровень некоторых наших профессиональных оркестров достаточно слабый. В немалой степени и из-за того, что студенты не прошли этой школы, и, пользуясь дефицитом исполнителей, пошли в оркестр.

А зачем же Владимир Михайлович их отпускает?

Не отпускает. Более того, этот вопрос стоит сейчас достаточно жестко. В частности, у дирижера нашего младшего оркестра (I–II курсы) А.А.Левина разработана целая программа, как сделать так, чтобы оркестр действительно выполнял свои функции, чтобы посещение оркестра не было фикцией и чтобы не срывались репетиции.

А если кто-то все-таки не будет посещать? Отчисление из консерватории?

Нет, пока не отчисление. Но может получить выговор. Этим правом взыскания редко пользуются. Студент, потерявший свой студенческий билет, такой выговор получает, а студент, не посещающий занятия в течение достаточно длительного периода, существует спокойно достаточно долго, а когда, наконец, приходит — все счастливы. Хотя у нас есть кафедры, которые промежуточную аттестацию проводят достаточно жестко. Например, на кафедре концертмейстерского искусства такая система отработана. Нельзя получить зачет, если ты сыграл только на заключительном этапе. Есть целая система промежуточных зачетов, которая понятна и преподавателям, и студентам.

А как фиксировать посещаемость? Я веду такой журнальчик, но для себя. С меня его не требуют.

Мы с деканами перед началом учебного года договорились, что все групповые занятия будут у нас теперь иметь журнал. Практически все преподаватели ведут свой учет, но этот личный «кондуит», к сожалению,— не документ. А официальный журнал, где записано, что такой-то отсутствовал,— документ. На его основании мы можем в каких-то случаях даже не допустить к сессии.

Сурово, но справедливо...

Только что прошли приемные экзамены. Абитуриенты с таким трудом проходят сквозь сито приемных экзаменов, для них такое счастье поступить в Московскую консерваторию. Но, к сожалению, этот труд, огромный труд, который был проделан, забывается. Я не могу этого понять.

А как прошли приемные экзамены?

Очень организованно. Мы долго готовились, начиная с ноября прошлого года, пересмотрели правила приема, программы, утвердили на Ученом совете. Работали все факультеты, некоторые полностью обновили репертуарные списки. Программные требования по специальности были опубликованы на сайте консерватории. Например, в процессе экзаменов была

Окончание на с.3

КОНСЕРВАТОРСКАЯ ЖИЗНЬ

довольно редкая ситуация, когда три абитуриента фортепианного факультета подали апелляцию о пересмотре оценок исполнения программы. И, учитывая то, насколько точно все было сформулировано в документах, нам пришлось, следуя этим документам, только исполнить процедуры, и все закончилось мирно. Не было никаких жалоб, никаких разговоров. Вся наша профессура выдержала этот наплыв, а пианисты, например, практически сидели с утра и до вечера несколько дней в Малом зале...

Большой конкурс был? Что за ребята пришли к нам?

Конкурс был разный. Например, не могу сказать, что был высокий конкурс у теоретиков, но уровень абитуриентов довольно высокий. Абитуриенты шли очень подготовленные, и это обнадеживает. В этом году мы приняли трех симфонических дирижеров, а в прошлом году не было ни одного. Все трое имеют высшее образование, один даже закончил у нас аспирантуру. Но они приняты только на первый курс, так решила комиссия под руководством заведующего кафедрой, профессора Г.Н.Рождественского.

В процессе учебы могут ли они что-то ускорить, что-то сдавать экстерном?

Да, по сути дела они имеют право на обучение по индивидуальному плану.

А какие исполнители пришли?

Исполнители тоже очень неплохие. Например, очень хорошие пришли трубачи, валторнисты. В этом году оказался большой конкурс на факультете исторического и современного исполнительского искусства.

У них другие требования?

Нет. Они сдавали все те же экзамены, сольфеджио и гармонию со всеми вместе. Более того, в экзаменационной комиссии по специальности были деканы оркестрового и фортепианного факультетов, которые слушали поступающих и на своем факультете, и на ФИСИИ.

Есть ли в этом году какие-то новации?

Мы в этом году взяли семь платных студентов. Россиян. Это больше, чем в прошлом году.

Разве у нас есть платный поток?

У нас платного потока нет. Имеют право претендовать на платное обучение только те, кто сдал все вступительные экзамены на общих основаниях, но не прошел по конкурсу. У них были достаточно хорошие баллы, и мы предложили им этот вариант. Хотя не каждый способен на такую оплату.

И сколько они должны будут платить?

112 тысяч рублей в год. Это сумма, установленная Ученым советом. Заключены договора, и каждый декан дает согласие, чтобы этот абитуриент, выдержавший все вступительные экзамены, был зачислен.

Он садится в ту же самую группу, учится вместе со всеми, кто поступил по конкурсу? В процессе учебы их знания будут оценивать по одной шкале требований?

Да. Но у нас нет разрешения на перевод с платного на бесплатное обучение. Более того, в этом году мы приняли Положение о восстановлении и переводе в консерваторию, так там записано, что человек, который два раза был отчислен, в третий раз учиться на бюджетном месте уже не может.

А теперь от приема к выпуску: насколько мне известно, Вы были одним из инициаторов организации выпускного праздника этого года. Как это было?

В этом году выпускной вечер у нас был в Большом зале. И это было прекрасное, для меня лично, событие. Настоящий праздник. Выступали ведущие профессора, члены Ученого совета,

Александр Сергеевич Соколов приветствовал выпускников. На вручении дипломов были и наши лаборанты, которые пять лет опекали студентов. Это было настоящее действо. Получив диплом, выпускники оставались на сцене, вставали на хоровые станки, и постепенно выстраивалась картина 135-го выпуска консерватории. А потом все спустились в нижнее фойе. Там был накрыт стол с огромным тортом и шампанским. Оркестр нашего оперного театра играл бальную музыку. Это ведь не просто фойе, это прекрасный зал, в котором когда-то бывали балы...

Мы, наконец, дожили до выпускного бала?!

Да, были танцы, звучала музыка. А вечером был концерт. Потрясающий концерт выпускников. Это был целый день, где

выпускники царили.

Кто же все это придумал?

Идея проведения выпускного бала в Большом зале принадлежит студентам. Но, Вы сами понимаете, что это мероприятие не могло быть чисто студенческим, это мероприятие официальное. И были задействованы и главный бухгалтер, и все деканы, и кафедра оперной подготовки — фрагмент своего экзамена по танцам они перенесли в бальную часть. Стол накрыла «Кофемания»... Кто-то мне говорил, что в Малом зале — теплее, роднее. Первый курс мы собираем в Малом, но выпуск, мне кажется, должен быть в Большом. Выпускники все вместе должны выйти на эту великую сцену.

Хорошо если эта традиция закрепится. В начале нашего разговора Вы сказали, что «вернулись» в свою Alma mater. А когда Вы кончали Московскую консерваторию?

Я пришла в Московскую консерваторию в 1968 году, после Гнесинского училища. Из моих сокурсников сегодня в консерватории работают кроме Александра Сергеевича Соколова, еще Михаил Александрович Сапонов, Маргарита Ивановна Катунян, Марина Дмитриевна Соколова. У нас был очень хороший выпуск — 1973 года. Я заканчивала по кафедре истории зарубежной музыки у Екатерины Михайловны Царевой. У нее же была в аспирантуре. По распределению работала в Киргизском институте искусств, вернувшись в Москву — в Министерстве культуры СССР, затем России, где я занималась вопросами образования.

Московская консерватория сильно изменилась?

Конечно изменилась! Когда я училась, не было Рахманиновского корпуса и многих других помещений, ректором был А.В.Свешников, деканом теоретико-композиторского факультета Т.Ф.Мюллер. Многое изменилось, что-то утратилось, что-то приросло. Но, мне кажется, что ничто не может разрушить консерваторию. Ничто. Никакие нововведения. Есть много людей, которые стараются, чтобы и стены были краше, и все, что нас окружает, соответствовало высокому духовному уровню консерватории.

Еще, когда я пришла, меня поразила интенсивность жизни, которая идет внутри консерватории. Жизнь не та, которая регулируется из одного центра, а та творческая, которая идет на уровне кафедр, классов, отдельных личностей. Это чувствуется. В недрах консерватории в один и тот же день происходит огромное количество мероприятий, на которые ты просто не успеваешь попасть! Мастер-классы, интенсивная концертная жизнь. Все кажется очень незаметным, но эта внутренняя насыщенность, она поразительная. И это вселяет оптимизм. Чувствуешь причастность к тому, что делается вокруг. А это дорогого стоит. Я с оптимизмом смотрю в будущее консерватории.

Беседовала главный редактор Проф. Т.А.Курышева

На снимках: 135-й выпуск Московской консерватории

ЗВУЧИТ МУЗЫКА ЮНЫХ КОМПОЗИТОРОВ

18 апреля в Белом зале консерватории прошёл концерт юных композиторов класса преподавателя А.К.Санько. И это не первое мероприятие такого рода: Анатолий Константинович старается ежегодно показывать своих учеников.

Концерт произвёл самое благоприятное впечатление как составом авторов (самый маленький композитор, 10-летняя Ю.Максименко — ученица ДМШ, а её старшие «коллеги» — учащиеся АМУ при МГК), так и представленным здесь разнообразием стилей и жанров. Наряду с классическими Сонатой для фортепиано А.Шишковой, Вариациями на тему русской народной песни «Во поле берёза стояла» для фортепиано В.Барыкиной и Пьесой для струнных М.Санниковой, прозвучали интересные с точки зрения жанра Пять хокку на стихи японских поэтов М.Лысенко и нетрадиционная по составу Пьеса для трубы, фортепиано и ударных В.Барыкиной.

В большинстве своём композиторы сами исполняли свою музыку, нередко демонстрируя владение несколькими инструментами (Р.Шурыгин солировал как кларнетист и гитарист). Однако отрадно то, что помогали им студенты вокального (Г.Сапожникова и Н.Иванова) и оркестрового (С.Горлинский и А.Рудаков) факультетов МГК. Такой «серьёзный» уровень исполнителей привнёс в настроение всех участников особую атмосферу приподнятости и торжественности.

Лола Джуманова, руководитель сектора педпрактики

Вышла книга

В.П.Фраёнов. Музыкальная форма. Москва, 2003.

Посмертное издание курса лекций выдающегося педагога и ученого, прочитанных им в разные годы в Академическом музыкальном училище при Московской консерватории («Мерзляковке»). Книга издана тиражом 900 экз. Небольшое количество экземпляров книги поступило в продажу в музыкальный магазин «Симфония» на Б.Никитской, в здании Московской консерватории.

ЛЕТНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

СТРАСТИ ПО СВЕТЛОГОРСКУ

(хроника событий глазами очевидца)

3 июля студенты консерватории разных курсов и факультетов, активно занимающиеся спортом, встретились друг с другом на одном из перронов Белорусского вокзала, перед поездом, пунктом назначения которого значился город Калининград. Прошло ещё совсем немного времени после окончания сессии, но все мы радовались встрече, горячо обсуждали предстоящую поездку, нервно вспоминали, что же мы всё-таки забыли дома, любопытно оглядывали незнакомые лица, забрасывали вопросами «бывалых», т.е. тех, кто уже не в первый раз отправлялся в это удивительное место — студенческий спортивный лагерь в городе Светлогорске под Калининградом! На лицах провожающих друзей мелькали тени сожаления и грусти — наша профессия не всем позволила отложить гастроли, репетиции, конкурсы, и на две недели окунуться совершенно в другую атмосферу, не менее творческую, но более весёлую, бесшабашную, активную — в атмосферу настоящего южного курорта, совмещённую с не-за-бы-ва-е-мой спортивной программой!

Стоит ли говорить, что уже в поезде мы все перезнакомились и к концу первого дня превратились из группок друзей, общающихся между собой, в один большой весёлый оркестр, где каждый, неповторимый в своей индивидуальности, музыкант, так замечательно себя чувствовал в коллективе под руководством Вячеслава Александровича Елисеева и чуткой дирижёрской палочки Артёма Давыдова.

Светлогорск, удивительно гостеприимный и романтичный, расположен прямо на берегу Балтийского моря. Стильная немецкая архитектура, обилие маленьких кафе и магазинчиков с сувенирами (в основном, конечно, с прекрасным балтийским янтарём), атмосфера непрекращающегося праздника — всё это создавало ощущение, что находишься в одном из курортных городков Средиземного моря, если бы не... само море. Тёмное, непокорное и пронизывающе холодное Балтийское море, казалось, сердилось на людей за то, что они попытались на его берегах создать курорты, приезжали к его подножию загорать, а некоторые отчаянные смельчаки (например, студенты из Москвы, в количестве всех тридцати человек) отваживались с криками забегать в его бурные волны (+15С°) и через несколько секунд побеждённо выбегать греться под ласковое, но такое мимолётное и застенчиво прячущееся за набегающие облака солнышко.

Каждый день в Светлогорске был с утра и до вечера насыщен спортом. В 9 утра зарядка, о которой из года в год слагаются легенды и сочиняются полные драматизма песни; тренировки по футболу, увенчавшиеся заслуженной победой сборной МГК в двух товарищеских матчах с местными командами; отчаянная борьба с превосходящими силами соперника по волейболу и баскетболу; неудачные попытки всего лагеря обыграть в настольный теннис настоящего профессионала Гришу Чекмарёва; аристократичный бадминтон; велосипеды напрокат; пляжный волейбол; соревновательный азарт в беге до теннисного корта — кто первый — и эти незабываемые, упоительные часы игры в большой теннис то под палящим солнцем, то под дождём, и заключительный турнир «Маленькая каска», который провёл суровый, но справедливый симпатичный судья Ваня Кузнецов, а первой ракеткой консерватории стал Лёша Поляков; современный тренажёрный зал с атлетичным и всегда готовым помочь завсегдатаем Вовой Родионовым; ну а вечерами, конечно, «спортивные» танцы в клубах до... следующей зарядки.

Почти все мы приехали в лагерь со своими инструментами (даже в багаже теоретиков значительное место занимали книги, так и пролежавшие все две недели в чемоданах), и, как настоящие профессионалы, мы не могли этим не воспользоваться, создав настоящий камерный оркестр, который, вместе со стонущим, но мужественно пытавшемся изобразить остатки былой темперации местным пианино, производило на живущих в нашей гостинице немцев неизгладимое впечатление. Да и состав оркестра — две скрипки (Давид Махмудов и Игорь Цинман), альт (Гриша Чекмарёв), два гобоя (Аня Кузьменко и Настя Табанкова), две трубы (Вова Родионов и Саша Лабунский), валторна (Марат Акберов), туба (Артём Давыдов) и гитара (Костя Желтов) — является, на наш взгляд, настоящей находкой для современного композитора. Но самое, пожалуй, сильное впечатление производил хор наших дирижёров-хоровиков, проникновенно исполнявших русские народные песни, и богатый, душевный бас Ромы Демидова.

Для кого-то эти две недели показались долгими, кто-то просто не заметил, как они пролетели, но вот для нас, отдохнувших, всё-таки загоревших и подружившихся друг с другом, наступил последний вечер, последний концерт и последний банкет нашего отдыха. В процессе подготовки к концерту никто не пострадал, так как многие пострадали уже раньше — насыщенная спортивная жизнь всё-таки сказалась. Церемония награждения победителей спортивных соревнований, которая вылилась в награждение всех подряд ребят забавными номинациями, и капустник получились во-многом импровизированными, но от этого ещё более весёлыми и искренними. Ярче всего показала наше тёплое отношение к Вячеславу Александровичу песня, исполненная Наргизой Ким:«Я за тренером за нашим как за каменной стеною — это надёжно!

Самый мудрый, самый добрый, самый лучший, самый-самый — это серьёзно!...»

И вот 18 августа мы летим в Москву, и в сердце каждого из нас звучит наш гимн, гимн Светлогорску и нашему незабываемому отдыху, за который мы так благодарны консерватории!!!

Ярослава Кабалевская,
студентка V курса

ОБЩЕНИЕ

ТЕПЛО КОСТРА

Известно, что музыка — искусство сложное. Его рыцари должны чуть не с младенчества денно и нощно трудиться, причем по преимуществу — в одиночестве. С раннего детства начинаются отборы на концерты, зачеты, экзамены, конкурсы... Отсюда — индивидуализм, соперничество, зависть, ревность, — словом, все, что мешает дружбе, общению, единению. Но, оказывается, стоит появиться одному человеку, чье сердце открыто миру и людям, зажечь костер и пригласить на него гостей, и все сразу изменится. Музыканты покинут свои дачи с роялями, оторвутся от занятий и домашних дел и с удовольствием придут на огонек. Именно так и произошло в Доме творчества композиторов «Руза» в августе этого года, а ранее происходило в композиторских поселках «Иваново», «Сортавала» — везде, где появлялся известный композитор и замечательный общественный деятель Григорий Самуилович Фрид, один из старейших выпускников Московской консерватории, прошедший дорогами Великой Отечественной войны.

Искусство вести беседу — быть может, еще сложнее, чем сочинять и исполнять музыку. Уметь найти тему, привлекательную для многих, интересно рассказывать, а главное — внимательно слушать, не перебивая собеседника, пытаясь понять его мысль, развить ее или вежливо, уважительно подискутировать, — всему этому можно было учиться на кострах у Фрида.

А ведь общество, собиравшееся там, было очень разным. Конечно, преобладали музыканты. К профессорам Московской консерватории — Л.Н.Наумову, Г.В.Крауклису, Г.И.Сальникову, присоединились их коллеги из Российской академии музыки, школы и училища им. Гнесиных — В.Э.Тропп, Т.А.Зеликман, Н.Л.Наумова, из Нижегородской консерватории — Т.Н.Левая и Б.С.Гецелев. Приехали в Рузу и пришли «на огонек» выпускники Московской консерватории, давно работающие в Италии (пианист Б.В.Петрушанский), Англии (композиторы Е.О.Фирсова и Д.Н.Смирнов), Японии (скрипач Г.Я.Фейгин и пианистка, выпускница РАМ им. Гнесиных Е.Д.Ашкенази). Вместе с музыкантами приходили их чада и домочадцы, в том числе и избравшие себе совсем иные профессии — врач и инженер, учитель и психолог, режиссер и сценарист. Но и им было интересно поговорить о Глинке и посвященных его 200-летию торжествах, о конкурсах со всеми их достижениями и бедами, о пользе и вреде мобильных телефонов. Здесь можно было рассказать о людях, встречи с которыми оставили след в памяти, посмеяться над занимательными историями, случавшимися с собеседниками в родительском доме, учебных аудиториях, на гастролях, киносъемках, в путешествиях, на фронте.

И хотя возраст присутствующих простирался от 10 месяцев до 90 лет, никто не вспоминал о конфликте поколений, о разнице менталитетов, о несопоставимости уровня жизни и прочих грустных вещах, разъединяющих людей. Тепло и уютно было всем у костра рядом с сердечным и мудрым человеком, каким всегда был и остается Г.С.Фрид.

Е.Л.Гуревич,
Директор Музея им. Н.Г.Рубинштейна МГК

ПРОЕКТ

ВО ИМЯ ИСКУССТВА!

В последнее время деятельность «Ассоциации органистов России» почти полностью сошла на нет. Быть может, нужна новая организация, которая бы функционировала в этой области музыкального искусства?

Еще в середине февраля в Москве состоялась конференция, на которую съехались многие органисты. Цель конференции — создать «Российский творческий Союз органистов». Для его создания было необходимо принять Устав. Сразу утвердить все документы не удалось, потребовалось некоторое время. Специально для этого был создан сайт в интернете, где все органисты России могли оставить свои предложения по поводу нового Устава. И я, как начинающая органистка, тоже высказала свои пожелания.

Во-первых, я считаю, что при составлении Устава необходимо сделать больший акцент на творчески-познавательной деятельности Союза. Так, например, до сих пор нет библиотечного фонда по органной музыкальной и научной литературе. Создание библиотеки необходимо, так как основная литература создается за рубежом, и доступ к ней порой затруднителен. Можно вступить в сотрудничество с некоторыми ведущими издательствами, библиотеками и другими зарубежными Союзами и Гильдиями. Это даст приток необходимой информации, раскрывающей всю панораму органного движения в мире.

Во-вторых, важная сфера — органостроение, то есть сохранение и реставрация органов, особенно тех, которые являются историческими памятниками. Для этого жизненно необходимо привлечение инвесторов.

В-третьих, большое значение имеет издание трудов по органному искусству. Уже есть хорошие начинания, как, например, издания книг Л.Ройзмана и А.Панова. Кроме того, можно было бы издавать журнал, где будет публиковаться информация о российских и зарубежных фестивалях, конкурсах, концертах, конференциях. А также, что очень важно, издавать переводную литературу — старинные трактаты и фундаментальные исследования зарубежных авторов.

Однако главная проблема на сегодняшний день — отсутствие помещения для Союза органистов. Надо надеяться на помощь заинтересованных инвесторов в решении этих сложных задач. И не стоит забывать, что все это делается во имя искусства!

Екатерина Готсдинер,
студентка IV курса

При перепечатке ссылка обязательна

Адрес: 103871 Москва ул. Б.Никитская, 13. E-mail: rio@mosconsv.ru
Интернет: http://www.mosconsv.ru

Главный редактор проф. Т.А.Курышева
Редактор С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 18.09.2004
Тираж 300 экз.